

№ 188. ПЯТНИЦА, 9 ИЮЛЯ 1904 г.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки на годъ 7 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 65 к.

Съ доставкой в пересылкѣ: на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 3 р., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к. Отдѣльно №№ въ конторѣ редакціи и мѣстѣ продаж по 5 к.

За перемѣну адреса многократн. подписч. уплачив. 30 к., а городской, переходя въ многократн. — 50 к.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписки платн. вывѣшены въ двойнѣ противъ бездоставочныхъ мѣстъ. Подписки и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Кремляцк., № 36), отъ 10 ч. утра до 8 ч. веч., въ праздники отъ 12 до 3 ч. дня.

Адресъ типогр. газетъ: Пушкинская 4.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

# ПЕРВЫЕ ОТКЛЫКИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

ПЯТНИЦА, 9 ИЮЛЯ 1904 г. № 188

УСЛОВІЯ ПЕЧАТАНІЯ ОБЪЯВЛЕНІИ

За одну строку въ столбцѣ или въ нѣсколькихъ строкахъ текста за первый разъ 30 к., за каждый слѣдующій разъ по 20 к.; полнаго текста — за первый разъ 20 к., за слѣд. разъ по 10 к. При оформлении объявленій дѣлается вознагражденіе за услуги. Днев. и крупн. тираж, по договорѣ, отъ 100 экз. — 50%.

Губернск. должн. быть съ личной подписью и адресомъ автора и подлинать, въ случаѣ необходимости, извѣщенія и сообщенія. Желающіе получить обратно извѣщенія или рукописи должн. приложить марки на пересылку. Желая статьи, замѣтки и сообщенія не возвращаются.

Редакція для личныхъ объявленій открываетъ ежедневно отъ 3 до 4 ч. дня.

# Впечатлѣнія.

Въ Житомирѣ тоже были устроены поминки по Чеховѣ.

Собственно, никакихъ-бы поминокъ не было, еслибъ не одно маленькое совпаденіе.

Юноши, только что переступившіе порогъ гимназіи, замыслили устроить вечеръ.

Что-жъ—дѣло хорошее, по провинціальнымъ нравамъ даже обычное и чуть-ли не обязательное.

Въ день, когда вечеру надлежало быть, въ Житомирѣ стало извѣстно, что умеръ Чеховъ.

Въ головахъ юношей родилась геніальная идея—пристегнуть къ благотворительно-увеселительной затѣѣ имя безвременно сошедшаго въ могилу писателя.

Сказано—сдѣлано. По всей вѣроятности, тутъ не было никакихъ корыстныхъ расчетовъ, поступками юношъ руководило, быть можетъ, и искреннее чувство.

Но получилось нѣчто диковинное, нѣчто изъ ряда вонъ выходящее.

Портретъ только что почившаго писателя, обвитый розами, былъ водруженъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ танцевальномъ залѣ.

Когда вся Россія съ болью въ сердцѣ переживала эту неожиданную, огромную утрату, въ Житомирѣ чествовали память писателя непринужденными танцами.

Портретъ Чехова, украшенный розами, наряду съ другими приманками провинціальныхъ «вечеровъ»—конфетти и *poste d'amour*!

Грустно-грустно съ портрета глядѣли печальные глаза на этотъ базаръ житейской пошлости.

На этихъ мамашъ, разсѣвшихся у стѣнъ по диванамъ и мечтающихъ о хорошей партіи для своихъ танцующихъ дочерей.

На отцовъ-обывателей, то и дѣло шмыгающихъ чрезъ залъ изъ буфета въ завѣтную комнату, гдѣ разставлены зеленые столики, гдѣ въ облакахъ табачнаго дыма зрѣютъ дивные планы и не смолкаютъ призывы:

— Пасъ!

— Безъ двухъ!

— Семь червей!

И на эту зеленую молодежь, выкидывающую антраша па-де-катра и па-д'эспаня...

Неужели эти «чествователи» не поняли, что лучше всего они могли почитать память поэта, отложивъ свой вечеръ до болѣе удобнаго для увеселенія времени?

Неужели Чеховъ, всю жизнь свою плакавшій надъ болотомъ обывательщины, не заслужилъ больше того, что дали его памяти житомирцы?

Память человѣка, всю жизнь тосковавшаго по идеалу и страдавшаго отъ пошлости, просасывавшейся во всѣ поры человѣческаго существованія, память такого человѣка сочли нужнымъ отпраздновать спектаклемъ откровенной провинціальной пошлости!

Всю ночь—до шести часовъ утра танцовали житомирскіе обыватели предъ портретомъ Чехова.

А въ шесть часовъ пошли спать, и спокойно заснули, не сознавая даже, какъ жестоко поглумились они надъ памятью великаго писателя...

Лео.